

§ 4. Владимир Иванович Самсонов (1886–1964) — хранитель музейных редкостей

«С чего начал, тем и кончил! Чтоб шагнуть дальше, надо было обладать не только материальной, но ещё и теоретической истиной, а откуда мог взять её?.. Но, как теперь сказали бы, краеведом ... был первоклассным: внимательным, знающим, рьяным, из тех, для кого история действительно была музой».

*Ю.О. Домбровский.
Хранитель древностей. 1964 год.*

«Музей города Землеройска назывался Мусомный Амбар, ибо всякая вещь, которую девать было некуда, а выбросить жалко, именовалась у хоббитов мусомом».

*Дж.Р.Р. Толкун.
Хранители. I, 1.*

Владимир Иванович Самсонов без малого тридцать лет прослужил в Курском областном краеведческом музее в должности заведующего «отделом дореволюционного прошлого». Напомню, что в начале 1930-х годов эту часть экспозиции всех краеведческих музеев страны власти велели закрыть как «неактуальную». Экспонаты оттуда попали в запасники. В лучшем случае, а в худшем — на свалку, где и сгинули. Восстановили показ «дореволюционного прошлого» лет через десять. В Курске вот Самсонов-то и восстанавливал, затем усовершенствовал показ этого материала. Ему принадлежит прототип современной экспозиции Курского областного краеведческого музея.

В личности героя этого параграфа отчётливо отразилось противоречие, на мой взгляд, определяющее для многих краеведов всей страны 1930 – 1960-х годов. С одной стороны, добротная гимназическая да университетская подготовка, старая культура интеллигентного общения и поведения, широкий спектр интересов и знаний, начиная с нескольких иностранных языков. А с другой — «беспартийный большевизм», отчасти искренний, отчасти вынужденный обстановкой в государстве, не мытьём, так катаньем увлекавшей интеллектуалов вслед за изгибами «генеральной линии партии и правительства». Степень искренности просоветских настроений в разных группах нашей интеллигенции в большинстве случаев вряд ли поддаётся уточнению. И то сказать, «бывшему» человеку очень трудно, а то и невозможно было тогда сохранить себя, право заниматься любимым делом вне отмеченной — то комичной со стороны, то трагической антиномии.

Опубликованные из чекистских архивов документы рисуют двойственную картину: одни интеллигенты писали доносы на других. Одни научные сотрудники бесстрашно вслух ругали политику большевиков за тот огромный урон, который она наносила русской культуре. А другие их коллеги спешили трусливо донести начальству про «возмутительные разговоры».

Штаб-ротмистр В.В. Арендт — ветеран Императорской (1908–1917) и Красной (1918–1923) армий. Ведущий археолог-оружиевед предреволюционной России. С сайта «Офицеры русской императорской армии».

Убит чекистами за «обсуждении политической линии ВКП(б) и мероприятий Советского правительства с контрреволюционных позиций».

Так, ведущий оружейвед тогдашней России Всеволод Викторович Арендт (1887–1937) в разгар сталинских репрессий против советских военачальников публично заявил в Военно-историческом музее Ленинграда, где служил: «"Как смотрите на все эти перемены? А я так думаю, что хороших, умных людей убирают с дороги, а назначают одних только..." При этом Арендт приподнялся со стула, вытянулся передо мной, руки по швам, и изобразил из себя такую, дескать, безропотно-покорную глуповатую фигуру, которая, мол, остаётся после насильственного удаления и уничтожения

умных и дельных людей, фигуру, готовую слепо и безотчётно подчиняться теперешнему режиму»¹.

Коллега Арендта по работе в музее П.В. Львовский тут же настроил и передал директору обширный донос, в котором процитировал приведённое и другие возмущения коллеги против советской власти. Через четыре месяца Арендта арестовали, ещё через два расстреляли. В его следственном деле фигурировали ещё более смелые речи: «Главный вопрос, который нас всех волновал и который мы часто обсуждали, это положение интеллигенции в советских условиях. В данном вопросе мы единодушно сходились на том, что интеллигенция в СССР находится в политически бесправном положении. В процессе своих суждений мы утверждали, что в Советском Союзе осуществляется жёсткая диктатура партийной верхушки, подавляющая всякую свободу мысли особенно в среде интеллигенции, лишённой права высказывания своих убеждений и симпатий тому или иному политическому строю. ... В стране осуществляется резкий нажим на все слои населения, от которого, с нашей точки зрения, больше всего страдает интеллигенция. В области экономики мы резко осуждали политику коллективизации сельского хозяйства как враждебную, проводившуюся насильственным путём и уничтожившую, с нашей точки зрения, стимул развития сельского хозяйства. Мы говорили о том, что советская власть применяет на строительстве рабский труд, имея в виду строительство каналов. Лично я утверждал, что вся страна сейчас замучена, находится в подавленном состоянии»².

В публикациях и архивах содержатся множество похожих оценок, высказанных с отчаянием обречённых или вымученных беспощадным следствием. Я отвлекся здесь на них затем, чтобы читатель постарался осознать, в каких условиях приходилось работать музейным работникам, археологам перед войной и после неё. Таким, как наш курский Самсонов.

Во всяком случае, и смелые, благородные поступки, и моменты душевной слабости, даже низости, необходимо оценивать сегодня в контексте того времени, когда они совершались. По справедливому призыву А.А. Формозова, «мы должны с исключительным тактом говорить о перипетиях жизни наших коллег, живших в тяжелейшей обстановке тоталитаризма»³. Заметьте: наш долг говорить, а не молчать о том страшном времени. Ведь неизбежен и такой сакраментальный вопрос в той же связи:

¹ Цит. по: *Кирпичников А.Н., Ефимов С.В.* Дело Всеволода Арендта. Возвращение памяти // *Ex ungue leonem*. Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна / Отв. ред. *Л.Б. Вишняцкий*. СПб., 2017. С. 104.

См. также: *Игина Ю.Ф.* Судьба Всеволода Аренда — трагическая страница отечественного оружиеведения // *Средние века*. М., 2013; *Кирпичников А.Н.* Допрос с пристрастием. Судьба историка оружия Всеволода Арендта // *Σίσυφία*. СПб., 2000 (Есть интернет-версия).

² Там же. С. 96.

³ *Формозов А.А.* Книги об отечественных археологах // *Российская археология*. 1993. № 4. С. 251.

всегда ли понять означает простить, а тем более забыть? «Не следует поэтизировать “маленького человека”, — рекомендует современный философ. — Если взять его честность и моральную чистоту за исходную точку отсчёта, то и эти, казалось бы, безупречные качества далеко не достаточны для совершенной жизни. Свободные от власти демонических сил, обычные, знающие свой потолок люди далеко не так невинны. Своей покорностью они поддерживают репрессивный порядок, и в этом их вина перед будущим»⁴. Особенная ответственность лежит на историке, когда он вольно или невольно исповедует линию поведения «маленького человека» не только в повседневной жизни, но и в своей профессии — запечатлеть время. И если запечатлеть его криво, косо, пристрастно, то предоставишь политическому злу отрицательную энергию страдания и самой смерти сограждан...

*Обложка брошюры из фондов
Государственной Публичной Исторической библиотеки (Москва).*

Собственноручно и подробно написанная в 1955 году «Автобиография» В.И. Самсонова сочетает факты из обеих контрастирующих ипостасей жизни и судьбы краеведа — ригористической и конформистской. Родившись 1 января 1886 года в Севастополе в семье

⁴ Марков Б.В. Знаки бытия. СПб., 2001. С. 384.

военнослужащего, он в 1906 году окончил по юридическому факультету с дипломом I степени Новороссийский университет в Одессе. Несколько позже в нём же начинал учиться М.М. Бахтин, вспоминая на склоне лет: «Там были хорошие, выдающиеся преподаватели...»⁵. В отличие от этого философа и многих других деятелей гуманитарной науки и культуры юрфак понадобился Самсонову не просто для диплома о высшем образовании. Он успел поработать по этой специальности. Так и служить бы подающему надежды правоведа Самсонову в банке, заниматься адвокатской практикой, «педагогической и литературной работой», как отмечается им в автобиографии за следующие годы, если бы не революция. «После установления на Украине советской власти был назначен на должность заведывающего [так, согласно прежней орфографии, в тексте — С.Щ.] тюремно-карательным отделом ревкома в г. Брацлаве». Затем «инспектором тюремно-карательного подотдела Губюротдела Одесского исполкома. Потом работал в Губсоюзе (кооперация)».

Что заставило молодого юриста пойти в каратели, а затем вернуться к мирной жизни, история умалчивает (может быть, тут уместно процитировать ещё одного булгаковского персонажа: «Не могу служить вампиром»?). Только в 1922 году он возвращается на родину в Севастополь. Тут, перепробовав ещё несколько чиновничье-правовых должностей среднего калибра, «в 1925 г. начал экскурсионную работу по крымским маршрутам и одновременно служил научным сотрудником в музее и при панораме Севастопольской обороны. Тогда же начал писать статьи на историко-краеведческие темы»⁶.

Ещё его перу принадлежит оригинальная брошюра об одном из эпизодов Восточной (Крымской) войны России против Европы⁷. Из нескольких английских и немецких журналов времени этой войны и парочки редких в нашей стране старых английских книжек о ней же автор скомпилировал любопытный рассказ о том, как англичане проложили в захваченной ими части Крыма железную дорогу от порта своего базирования в Крыму до линии фронта, потому что пришли в ужас от российских просёлков, которые осенью превратились в непролазные болота.

Так обрёл себя историк-краевед Самсонов.

⁵ Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М., 1996. С. 31.

⁶ Самсонов В.И. Автобиография. 19 апреля 1955 года // ГАКО. Ф. Р-330. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

⁷ См.: Самсонов В.И. Английская железная дорога в Балаклаве в эпоху Крымской войны [1854–1855 годов]. Севастополь, [Севастопольское музейное объединение (Государственный военно-исторический музей)] 1931. 19 с. Книжечка в оцифрованном виде выложена в Интернете. В воспроизведённой ниже анкете Самсонов упоминает «две монографии в виде брошюр из эпохи войны 1853–1856 гг.», но вторая его печатная работа мной не обнаружена.

В 1931 году он вместе с матерью благоразумно переехал в Курск, где меньше знали о его дворянском происхождении, дореволюционных занятиях и чекистском опыте.

§ 8. Членами общества могут быть граждане в возрасте не моложе 18 лет, не лишенные избирательных прав, научно или практически работающие в одном из отделений, секции или ячеек общества, а также юридические лица. —

Л И Ч Н О Л И С Т О К . —

Члена научно-исследовательского общества изучения
Курской области. —

Членский билет № 19.....

Наименование района отделения

1/ Фамилия, Имя и отчество *Самсонов Владимир Иванович*

2/ В о з р а с т . *50*

3/ Место работы и адрес *Курск Краеведческий музей, Музей истории*

4/ Должность и специальность *научный сотрудник по секции древнейшей истории, этнографии*

5/ Образование *Высшее*

6/ Партийность *Гр.*

7/ Личный адрес *Лумачарского №6*

8/ С какого времени состоит в обществе краеведения *с 1925г.*

9/ Какой областью краеведческой работы интересуетесь *историей*

10/ В какой области имеются научные работы по краеведению, где опубликованы *Две монографии и много статей 1853-1856гг. Статьи опубликованы в брошюрах*

О уставом общества ознакомлен. —

Дата заполнения. — Подпись. — *Самсонов*

З а д а н и е : Выполнение заданий и научных трудов. —

Личный листок члена научно-исследовательского общества изучения Курской области В.И. Самсонова. Из фондов Государственного архива Курской области.

Вспомним, что именно в 1929–1930 годах Сталин и его окружение усилили массовые репрессии и в городе, и в деревне, начав аресты именно с так называемых «старых специалистов», включая историков и краеведов. На

новом месте жительства Самсонов устроился в музей, где и трудился тихо, мирно до осени 1941 года. Почти всю войну он провёл в эвакуации в Самарканде, сочетая службу в областной библиотеке с пребыванием бойцом военизированной охраны на заводе «Красный двигатель». В 1944 году его вызвали обратно в Курск для возобновления музейной работы (Хотя во время немецкой оккупации Курский музей функционировал; его библиотека и часть экспонатов не эвакуировались). Награждённый медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», Самсонов и дальше не изменял скромной должности музейного сотрудника.

*В.И. Самсонов ведёт экскурсию в Курском краеведческом музее.
Из фондов Государственного областного архива Курской области.*

В Курске Владимир Иванович женился — в полном соответствии с мудрым дореволюционным обыкновением — на барышне на порядок моложе себя. *Мария Николаевна Матвеевко* со своим незаконченным поначалу высшим образованием трудилась вместе с мужем в музее, сперва заместителем директора, одно время (в 1940 году) директором, а потом — научным сотрудником, причём почти столь же знающим и авторитетным, как и её супруг. Нынешние ветераны областного музея вспоминают их обоих с немалым пиететом.

В основном стараниями В.И. Самсонова в этом музее окончательно сложился *отдел истории дореволюционного прошлого Курского края*, оформилась соответствующая экспозиция, в значительной части сохранённая и по сию пору. Несколько поколений школьников, студентов, взрослых экскурсантов знакомились с вещественными памятниками местной старины по музейным витринам, оформленным Самсоновым, запомнили экскурсии, проводимые им лично и по его методике другими музейщиками.

Тематическая экспозиция самсоновского отдела давала яркие и разнообразные представления о развитии человеческого общества на территории региона с древнейших времен (материалы Авдеевской стоянки верхнего палеолита), через остальные археологические и исторические эпохи (скажем, находки с Кузиногорского городища — эталона юхновской культуры раннего железного века; раннеславянских и древнерусских поселений в Гочеве, Липине, Шуклинке, Беседине и др. курских местах; многие вещевые, документальные, картографические источники отечественного Средневековья и Нового времени); вплоть до событий начала XX столетия в губернском центре и его уездах.

*Сотрудницы Курского областного краеведческого музея
на раскопках П.Н. Никольской Шуклинского городища под Курском. 1952 год.
Крайняя слева от зрителя — начальница экспедиции; в центре — М.Н. Матвеевко.
Фото из фондов ГАКО.*

Само собой для советского музея разумеется, что хронологическая последовательность, определённая фактами системность выставочной работы сочетались с утрированным социологизмом, беззастенчивой

идеологизацией выставочного материала. Скажем, подлинные вещи и документы российского Средневековья, а уж тем более позднейших времён в обязательном порядке сопровождались текстами-цитатами из Маркса, Энгельса, Ленина, а до определённой поры, конечно, и Сталина. А живописные портреты представителей курского дворянства удерживались в экспозиции при условии обнаружения «на лицах этих власть имущих самоуверенности, чёрствости, надменности»⁸. Роскошный интерьер помещицкой усадьбы из курского пригорода Моквы (включая икону из тамошней церкви) соседствовал с макетом насквозь прокопчёной курной избы крестьянина-бедняка. Некую социальную середину между этими двумя крайностями призван был, как видно, выражать «уголок лавки деревенского кулака-лавочника после реформ 1861 года»⁹.

Кроме подробного путеводителя по своему музейному отделу, Самсонов составил (в соавторстве с журналистом Михаилом Иосифовичем Яжгуром) ещё *путеводитель по историческим и памятным местам города Курска*, выдержавший два издания. В качестве своеобразного каталога историко-археологических памятников и чем-то замечательных мест областного центра, с их кратким описанием и фотографиями, этот, хотя и далеко не полный, список имел не только просветительское, но и охранное значение. Старинные церкви и гражданские здания классической архитектуры призваны были оттенить тот краеведческий «факт», что «нынешнее поколение людей, строящих коммунистический Курск, живёт в нём счастливой, радостной жизнью»¹⁰.

Любопытно сравнить самсоновские путеводители с теми, что опубликованы в Курске тридцать пять лет спустя опять-таки директором краеведческого музея и журналисткой, и тоже с предисловием преподавателя истории¹¹. Объём сведений, приводимых в этих новых каталогах городских достопримечательностей, заметно вырос; появились новые фотографии, в том числе цветные. Покровителями города и области вместо коммунистической партии и советского правительства там опять, как до революции, представлены святые Феодосий Печерский и Серафим Саровский (мощи которого именно тогда «чудесным образом обретенны в запасниках одного из музеев Ленинграда»). При этом умалчивается, сколько курских церквей и монастырей оказалось после революции разорено, чтобы некоторые предметы из их утвари оказались помещены в государственный

⁸ Курский областной краеведческий музей. Путеводитель по отделу дореволюционного прошлого Курского края (С древнейших времён до свержения самодержавия в 1917 г.) / Сост. В.И. Самсонов. Курск, 1963. С. 33.

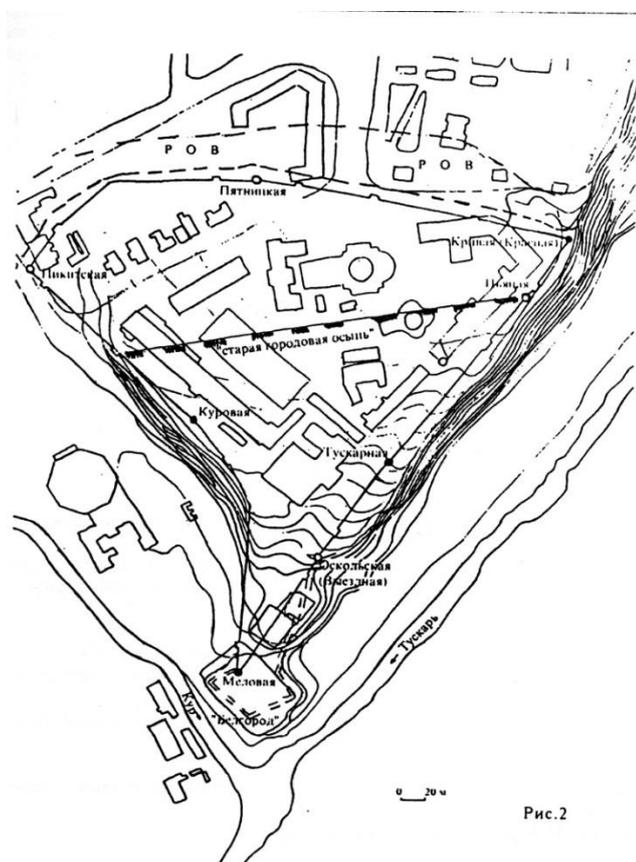
⁹ Там же. С. 59.

¹⁰ *Ланно Ф.И.* Введение // Самсонов В.И., Яжгур М.И. Курск. Путеводитель по историческим и памятным местам. Курск, 1962. С. 16; 2-е изд., доп. Воронеж, 1965.

¹¹ См.: Левченко В.В., Грива Т.А. Встреча с Курском. Путеводитель-справочник. Курск, 1993; Их же. Музеи и памятники Курской области. Путеводитель-справочник. Курск, 1996.

музей. А вот фактических ошибок в новом справочнике стало побольше, чем мог себе позволить образованный краевед В.И. Самсонов (спутаны годы и места рождения многих «знатных земляков»). Да и стиль письма у старого краеведа выглядит не в пример литературнее, нежели тот «канцелярит», на котором писаны новые путеводители (утверждающие, в частности, что «наша курская земля на протяжении веков была ареной борьбы русского народа с татарами, шведами, литовцами, поляками, немцами»; «куряне производят ... пищевые изделия» и прочая, и прочая в том же суконном стиле).

Ещё В.И. Самсонов ввёл в музейный и архивный оборот редкий документ — план Курской крепости 1722 года ¹², который нашёл в дебрях ЦГИВИА архитектор *Сергей Иванович Фёдоров* (1915–2005), в свою очередь известный курский и орловский краевед. О научном и практическом значении старинных чертежей говорилось подробнее в первой главе моей работы.

«Абрис города Курска». 1722 год. Прорись.

Как представитель музея, В.И. принимал участие в археологических экспедициях. Полевым дебютом для него стали раскопки на городищах «Крутой курган» и «Царский дворец», что возле обоянского села Гочева (о дореволюционных исследованиях на этом комплексе археологических

¹² Самсонов В.И., Стоюшкина В.А. План курской крепости // Краеведческие записки. Вып. 2. Курск, 1963. С. 174–178.

памятников шла речь в предыдущих главах). В советское время с идеей раскопок здесь выступил очередной директор Курского краеведческого музея М. Антимонов (наверное, подначенный на это кем-то из более образованных сотрудников, тем же Самсоновым). В сентябре 1936 года он писал в Московское отделение ГАИМК: «В связи с задачей представить период раннего феодализма возникает вопрос о дополнительных раскопках на указанной территории с целью тщательного изучения городища, главным образом его заселённой части, а не могильников, которыми по преимуществу занимался профессор Самоквасов»¹³. За этим музейным заказом ясно просматривается идея Самсонова, мечтавшего пополнить свой отдел новым и зрелищным материалом. В помощь предполагаемой экспедиции музей обещал двух своих научных сотрудников.

В апреле следующего, 1937 года учёный секретарь Академии С.П. Толстов и председатель её комиссии полевых исследований А.В. Арциховский ответили Курскому музею согласием копать курское Гочево («Комиссия полевых исследований выделила для этой цели Б.А. Рыбакова и ... ориентировочную смету в 5 000 руб.»).

Таким образом, Гочевскую экспедицию возглавил «старший научный сотрудник Института истории АН тов. Рыбаков», будущий академик и долгое время директор Института археологии АН СССР. А тогда замысел этого доцента МГУ возобновить раскопки на Курской земле поддержали не только указанный академический институт, но и ГИМ, и МГУ, где Рыбаков также сотрудничал. Часть денег и рабочих рук дал курский областной музей, с которым москвич заключил джентльменский, но ненаучный договор о разделе находок (по заранее намеченным частям раскопа). Первый сезон гочевских раскопок состоялся в 1937 году. Он дал обнадеживающие результаты — индивидуальные находки украшений, орудий труда, археологически целых сосудов и тому подобных экспонатов для музейных витрин; массовый материал керамики, камня, кости, металлов для научных анализов культуры поздних славян и ранней Руси.

После чего Б.А. Рыбаков пришёл к выводу, что «Гочевское городище весьма интересный памятник, имеющий значение для решения ряда важных общих проблем и необходимо дальнейшее исследование его». Решено было предпринять «раскопку полностью всей его территории, срез всех валов и пробную раскопку городища “Царский дворец”». Что и было сделано той же экспедицией уже в 1939 году. Результаты обоих сезонов отражены в архивированных «отчётах» Б.А. Рыбакова, правда, предельно кратких и скупых на информацию. Своеобразное резюме этих отчётов, местами даже более информативное относительно догадок начальника экспедиции об исторической интерпретации её результатов, содержит заметка «Древняя

¹³ ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 148. «Научная переписка исторического отдела [КОКМ] по Гочевскому городищу. 8. IX. 1936 – 17. VI. 1941 гг.» Л. 1.

крепость славян. Раскопки в Курской области», помещённая «Вечерней Москвой» 29 ноября 1937 года. Там, в частности, говорилось: «По-видимому, в середине XI в., когда в южных степях появились половцы, были приняты меры к укреплению городища. Древнее поселение, расположенное на крутом обрыве у реки Псёл, было обнесено рвом глубиной до 8 м и валом, в сооружении которого были широко использованы дубовые плахи и глина. [...] Раскопаны 4 сохранившихся печки, ямы для хранения зерна, горшок с остатками пищи (зёрна), глиняная сковородка с рыбьей чешуёй, крючки рыболовные от 5 до 3 см длиной. При раскопках обнаружено много чешуи от рыбы осетровых пород. Видимо, осетры часто заходили тогда в Псёл из Днепра. Ловилась рыба и сетями. Об этом свидетельствуют найденные на городище глиняные грузила для сетей и костяная игла для их плетения»¹⁴.

Подобный же итог своих раскопок Гочева Б.А. Рыбаков привёл и в своей капитальной монографии «Ремесло Древней Руси», где применительно к этому памятнику говорится о пограничном укреплении Киевской державы в XI–XIII веках, с разноплеменным гарнизоном (северяне, радимичи, мордва). Что касается попытки Б.А. Рыбакова проследить предшествующий роменскому слой Гочева в IV–V вв. н. э.¹⁵ и тем доказать автохтонность славянского заселения верхнего Псла, то это заключение не нашло столь же весомых подтверждений и было вскоре аргументированно пересмотрено И.И. Ляпушкиным, датировавшим дороменский слой этого и других городищ Посеймья VII–III вв. до н. э. — культурой ираноязычных скифов-пахарей, согласно его терминологии¹⁶.

С тех пор *Гочевский комплекс археологических памятников* разных эпох неизменно привлекает к себе внимание исследователей. Среди них Б.А. Шрамко (Харьков), Е.А. Шинаков (Брянск), Е.А. и В.М. Горюновы, О.А. Щеглова (Санкт-Петербург), Ю.А. Липкинг (гипотетично соотнёсший Гочевские городища с летописным городом Римовым), Н.А. Тихомиров, А.Н. Апальков, Г.Ю. Стародубцев и А.В. Зорин (Курск)¹⁷. Вот уже почти сто

¹⁴ Ошибочная атрибуция: из косульего рога был изготовлен так называемый «остроконечник», широко представленный на рубеже I и II тыс. н. э. среди дружинных древностей на огромной территории от Скандинавии и Англии до южнорусских степей Хазарии. Предназначение этих предметов остаётся загадочным: *Щавелёв С.П.* Дракон в руках богатыря (Зооморфные остроконечники из круга дружинных древностей Восточной Европы I тыс. н. э.) // Уваровские чтения IV. Богатырский мир: эпос, миф, история. (14–16 апреля 1999 г.). Муром, 2003. С. 26–29; *Его же.* Зооморфные остроконечники из состава дружинных древностей Европы VIII–XI вв. // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару (Чернігів — Шестовиця 17–20 липня 2003 р.). Чернігів, 2003. С. 185–193.

¹⁵ *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 208.

¹⁶ *Ляпушкин И.И.* Раннеславянские поселения Днепровского лесостепного Левобережья // Советская археология. Вып. XVI. М.–Л., 1952. С. 7–11.

¹⁷ См. сводки результатов современных исследований археологического Гочева: *Шинаков Е.А.* Население верхнего течения реки Псёл в XI–XII вв. (по материалам

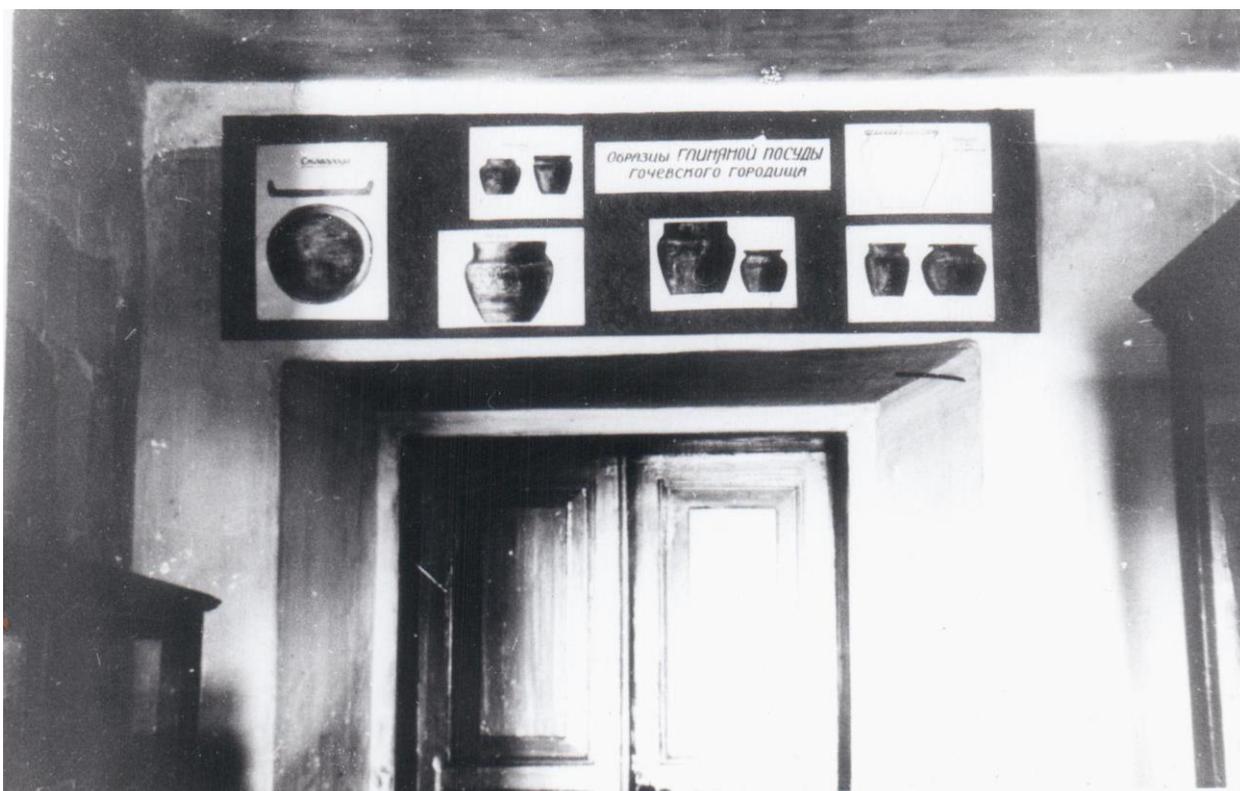
лет полевое и монографическое исследования Гочевского микрорегиона приносят всё новые и важные для исторической археологии результаты. К сожалению, кроме типологических штудий вещевого материала, выполненных Е.А. Шинаковым четверть века назад, монографического анализа Гочева так и не последовало. Нынешние археологи из Курского музея археологии копают там помаленьку ежегодно, но публикуют только тезисы про отдельные находки. Методика их раскопок находится примерно на том же уровне, что у Рыбакова в 1930-е годы; современные научные анализы в их работе практически отсутствуют.

Курские сотрудники среди членов Деснинской экспедиции М.В. Воеводского на Липинском городище под Курском. Вторая половина 1940-х годов. Крайний слева от зрителя П.С. Пискачевский, в центре в белой фуражке В.М. Самсонов, за его спиной в военной фуражке Ю.А. Липкинз, через одного в тёмной фуражке А.Н. Позняков. Фото из фондов ГАКО.

Гочевского археологического комплекса) // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1982. № 2; Тихомиров Н.А., Терпиловский Р.В. Поселения Гочево 1 и 2 на Псле // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Курск, 1990; Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю. Этапы становления древнерусского порубежного города (попытка реконструкции) // Юг России в прошлом и настоящем. Белгород, 1998.

В рыбаковской экспедиции Самсонов и другой научный сотрудник — Орловского музея С.А. Кирсанов¹⁸ наравне со студентами-историками из Москвы и Курска играли роли так называемых «наблюдателей», то есть мало-мальски грамотных и добросовестных надсмотрщиков за работой на «квадрате» раскопа наёмных крестьян-землекопов. В обязанности наблюдателя (по сути, младшего научного сотрудника наших дней) входила фиксация индивидуальных находок и первичное оформление полевой документации. Трудовые будни и лучшие находки гочевской экспедиции Самсонов описал в ряде журналистских очерков. В отличие от многих других краеведов, никаких фантастических догадок с археологическим материалом этот автор не связывает. Однако и ничего от себя к переданному в курский музей и архив ГАИМК микроотчёту «тов. Рыбакова» прибавить не может.

*Рисунки находок из гочевских раскопок Б.А. Рыбакова
В экспозиции Курского областного краеведческого музея.
Фото из фондов ГАКО.*

Судя по отложившейся в ГАКО «Научной переписке исторического отдела [КОКМ] по Гочевскому городищу», Б.А. Рыбаков задумывал итоговое

¹⁸ Семён Алексеевич Кирсанов (1905–1960-е) — орловский историк, музейный работник, архивист. Выходец из рабочего класса. На своём трудовом пути сначала сам рабочий-прядильщик, затем телеграфист. Закончил Московский университет. С 1935 года — научный сотрудник Орловского краеведческого музея. С 1938 года — научный сотрудник Орловского областного архива. Проработал в орловских архивах до 1963 года, из них около 20 лет руководил архивным управлением области. См.: Пантелеева О. Архивист и краевед Кирсанов // Орловский вестник. 2019. 12 августа.

издание этого памятника (объёмом до 5 печатных листов) — «Гочевское городище и его могильник». «Книжка, — по его мнению, — должна быть написана популярно (но не элементарно) и рассчитана на среднего массового читателя (учителя, студента, школьника старших классов и т.д.). Здесь должны быть даны некоторые общие сведения о славянах, их хозяйственном и бытовом укладе, специально сведения о племени северян, населявших курскую область, и обобщены данные о Гочеве как интереснейшем комплексе славянских древностей (городище, селище и курганы). Гочевский материал должен быть представлен большим количеством планов, разрезов, фотографий и рисунков вещей. Для могильника можно будет сделать сводную таблицу типов вещей (чтобы не повторять, как это делал Самоквасов, один и тот же [точнее — похожий, поскольку каждый относится к другому погребению — С.Щ.] рисунок десятки раз»¹⁹.

Однако у руководителя гочевских раскопок руки до такой книги так и не дошли. Его литературный замысел довелось отчасти реализовать Самсонову в работе куда меньшего формата и уже не научно-популярного, а журналистского, репортажного жанра²⁰.

Если читатель вернётся к параграфу этой книжки о Д.Я. Самоквасове, то поймёт, чем подход Рыбакова отличался от принципов издания древностей Самоквасова. Дмитрий Яковлевич настоял на помогильном хранении и публикации всех находок. Если бы этот подход был выдержан, то за 100 с лишним лет раскопок Гочева и соседних памятников славян и Руси накопился бы огромный и пригодный к обобщениям, историческому анализу материал. А Борис Александрович предлагал ограничиться картинками самых типичных вещей для массового читателя. На долю историка и археолога при этом приходились минимальные сведения об отдельных, может быть, и самых эффектных художественно находках. Тут видны искусствоведение или социология древностей, но никак не историческая археология прошлого. Правда, и коллекция Самоквасова, и находки Рыбакова оказались перемешаны и частично утрачены в Курском краеведческом музее. Завершил их разгром для науки уже в 1990-е годы первый директор Курского музея археологии Николай А. Тихомиров, велевший студенту-практиканту С.А. Пахомову отодрать вещи от картонов и ссыпать их в общую ёмкость. Вот и ищи тут с такими наследниками славных традиций прогресс в накоплении археологического знания!

Очевидно, гочевские раскопки по каким-то причинам не принесли должного удовлетворения своему руководителю, поскольку дальше кратких справок о них он в специальном изучении полученных материалов не пошёл.

¹⁹ ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 148. Л. 8 об. — 9.

²⁰ Самсонов В.И. Раскопки на Гочевском городище // Литературный альманах. Кн. 2. Курск, 1940. С. 277.

См. также редкую публикацию о гочевских раскопках Б.А. Рыбакова: Эдинг Д.Н. Экспедиционная работа московских археологов в 1937 году. Краткое изложение части раскопок // Вестник древней истории. 1937. № 1. С. 138–145.

Вспоминая на самом склоне лет, в момент своего почтенного юбилея свой творческий путь, вехи работы археолога-полевика, Б.А. Рыбаков, подробно перечисляя свои раскопки на местах 12 древнерусских городов, не упоминает Гочева; отсутствует такое упоминание и в обобщающей статье к его 90-летию ²¹, им наверняка авторизированной. Запомнилась маститому академику только подаренная ему судьбой в молодости именно в Гочеве «возможность видеть огромный ритуальный хоровод всех женщин и девушек села (около 150 человек), собравшихся перед полночью в честь праздника древних славянских богинь Лады и Лёли, покровительниц брака» ²² (как объяснил, должно быть, московский учёный самим гочевским хороводницам смысл их полуночного занятия. Подобная инверсия книжно-учёных представлений «обратно» в народное сознание характерна для процесса «вторичной фольклоризации» тех или иных исторических представлений, о чём уже говорилось в первой главе моей книжки).

Надо заметить, что проезд столичного археолога в Чернозёмный край вплоть до 1950-х годов был крайней редкостью. Начиная с революции и вплоть до окончания Отечественной войны для Курской области известны единичные посещения такого рода. Это уже упоминавшиеся выше рекогносцировки В.А. Городцова и Л.А. Мацулевича на месте обнаружения новосуджанского клада (1928 год), разведки С.Н. Замятина (1920-е годы) и К.М. Поликарповича (1937 год) следов каменного века по течению Сейма.

Кроме того, в 1935-м году экспедиция Государственного исторического музея под руководством Марии Евгеньевны Фосс (1899–1955) ²³ вела разведки и раскопки на дюнах реки Оскола у села Шелаева близ города Валук Курской (ныне Белгородской) области. Там оказались поздненеолитические стоянки (Шелаево I и II) с соответствующей керамикой и кремнёвым инвентарём, единичными вкраплениями бронзовых изделий (обломок булавки). В овраге у села Пристенъ обнаружены залежи похожего кремня. Руководительница экспедиции датировала находки II тыс. до н.э. и причислила их к «катакомбной культуре местного типа» ²⁴.

Годом ранее, в 1934-м, некие сотрудники ИИМК вели охранные работы в зоне сооружения железнодорожной ветки от города Старого Оскола до станции Коробковой в Старо-Оскольском же районе (который тогда в свою

²¹ См.: Макарова Т.И. К 90-летию академика Бориса Александровича Рыбакова // РА. 1998. № 2. С. 7.

²² Рыбаков Б.А. Заглядывая в предысторию Руси // Историки России о времени и о себе. Вып. 1. М., 1997. С. 10–11.

О «вторичной фольклоризации» исторических преданий см.: Штырков С.А. Исторические предания и перспективы изучения традиционных нарративных практик // Мифология и повседневность. Вып. 2. СПб., 1999.

²³ О личности и научном наследии этой замечательной исследовательницы см.: Формозов А.А. М.Е. Фосс и проблема неолитических культур // Очерки истории отечественной археологии. Вып. II. М., 1998.

²⁴ См.: Археологические исследования в РСФСР в 1934–36 гг. Краткие отчёты и сведения. М.–Л., 1941. С. 161–164.

очередь входил в Курскую область). После этой рекогносцировки в долине р. Оскол их отряд раскопал полуразрушенное железнодорожным строительством поселение у с. Лукьяновки — вроде бы неолитической эпохи (кроме керамики обнаружены только костяные орудия) и так называемый Пьяный курган, содержащий 3 скорченных и 1 сидячее погребения с сосудами ²⁵.

*На раскопках случайного обнаружения мамонтовой фауны в Курской губернии.
Слева направо от зрителя: А.Н. Позняков, четверо неизвестных,
в белой рубахе В.М. Самсонов. 1936 год. Из фондов ГАКО.*

Попытки курских музейщиков продолжить столь удачно возобновлённые, впервые после революции, на их территории раскопки успехом не увенчались. «План археологического обследования Старо-Оскольского района на 1939 г.» остался на бумаге. Получить ассигнования не удалось даже при такой мотивировке: «... Раскопки ГАИМК дали хороший результат при раскопке кургана “Пьяный” у села Лукьяновки, где были также найдены стоянки человека бронзового века. Отдельные находки каменных топоров и остатков керамики, при массовых и очень частых находках костей мамонта, носорога, оленя...» ²⁶.

²⁵ Там же. С. 164–169.

²⁶ ГАКО. Ф. Р–3139. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

На столь желанную для Палеонтологического института АН СССР добычу собиралась его сотрудница Е.И. Беляева²⁷. Однако и её переписка с М.Н. Матвеевко за 1938 год²⁸ о возможности раскопок на курской земле кончилась ничем. Последнее сообщение из Курска московским палеонтологам уведомляло о находке неким К.К. Флёровым в Бобравском болоте почти целого скелета доисторического оленя.

Правда, в 1936 году В.И. Самсонов вместе с известным уже читателю Л.Н. Позняковым и несколькими юными помощниками раскопали *местонахождение костей мамонта в Поньировском районе*, в 10 километрах от станции Золотухино, у деревни Горяиновой. Шурф размером 4 x 4 м позволил открыть большую часть скелета древнего слона, однако почти все они превратились в труху и для музейной экспозиции мало чем можно было поживиться (при отсутствии методик консервации, позволивших позднее сохранять для науки палеолитические уники из курской земли)²⁹. Сигналы из разных мест (Корочанского, Волоконовского, Дмитриевского, Львовского и других районов) о находках остатков доисторической фауны поступали в музей и в дальнейшем. Учтя все эти сообщения по архивным фондам музея в ГАКО, нынешние палеолитоведы могли бы значительно пополнить карту и каталог соответствующих местонахождений³⁰.

Не сбылись и планы вскоре продолжить раскопки Гочева. Такие планы строил *Дмитрий Николаевич Эдинг* (1887–1946) — один из основателей и лидеров Московской секции ГАИМК, опытный археолог. Им, в частности, было раскопано Сарское городище в земле древней мери — памятник под стать курскому Гочеву по своему типу и историческому значению. «Пятый план работы музеев системы Наркомпроса РСФСР» содержит по Курской области на 1939–1943 годы пункт «Раскопки Гочевского городища»; а на 1942–1943 годы, кроме того, ещё и — «Разведки и раскопки курганов в Гочеве»; «Кадры — Д.Н. Эдинг»; «средства в рублях» — 21 000 рублей на пять лет. «Курский исторический музей» обосновывал такой план «пробелом в материалах по ранним славянам»³¹ на своей территории. Пробелу этому суждено было ещё возрасти, в частности, под гусеницами немецких и советских танков, вдалась поутюживших Черноземье во время Курской битвы 1943 года. Фортификационные сооружения — окопы, блиндажи,

²⁷ *Елизавета Ивановна Беляева* (1894–1983) — палеозоолог, кандидат биологических наук (без защиты диссертации), научный сотрудник Палеонтологического института АН СССР (1930–1979). Окончила естественно-географическое отделение Петроградского женского педагогического института. Автор многих трудов по древнейшей фауне Евразии.

²⁸ Там же. Л. 38–39.

²⁹ См.: Там же. Оп. 1. Д. 149. Л. 34–36.

³⁰ Часть палеонтологических и палеолитических материалов из фондов ГАКО учтена в популярных изданиях последних лет. Например: *Чубур А.А.* и др. Каменный век. Курск, 1999 («Курский край». Т. I).

³¹ Первая Всероссийская археологическая конференция (10–13 апреля 1939 г.). М., 1939. С. 7.

противотанковые рвы; воронки от снарядов и авиабомб повредили здесь много культурного слоя древних времён. А Эдинга отвлекли от курских памятников обострение тяжёлой болезни (туберкулёза) и неотложные исследования главного объекта его жизни в науке — знаменитого Горбуновского торфяника на Урале.

*Барон Н.Ф. Эдинг (крайний слева от зрителя) с сотрудниками краеведческого музея Нижнего Шагила — участниками его раскопок на Горбуновском торфянике. 1931 год.
По статье: Устинова Е.А., Чаиркина Н.М. Исследования Д.Н. Эдинга на Урале //
Немецкие имена в российской науке. Археология. Этнография.*

Так что жаль, что за 1930–1940-е годы куряне имели маловато возможностей заново научиться полевой археологии. Тем замечательнее выглядит главный эпизод спорадического обращения Самсонова к практической археологии — *открытие* им знаменитой впоследствии на весь мир *Авдеевской стоянки* каменного века. Напомню, что следы человека палеолитической эпохи на территории Посеймья впервые были разведаны в 1905 году киевлянином В.П. Каншиным в Курском уезде на берегу речки Рагозны и тогда же описаны в «Трудах Курской губернской учёной архивной комиссии», экспонировались в музее наглядных пособий школ курского земства ³². Хотя сообщение об этих находках (со справедливым на тот

³² См.: *Каншин В.П.* Умрихинский мамонт и следы человека палеолитической эпохи // *Труды Курской губернской учёной архивной комиссии.* Вып. 1. Курск, 1911. С. 115–116 (1-й паг.); 54–58 (2-й паг.); *Щавелёв С.П.* Первые находки останков курских 654

момент знаком вопроса) вошло ещё и в более известную печатную сводку А.А. Спицына «Русский палеолит», но приехавшим специально для разведок в ближней округе Курска известным археологам-палеолитчикам (С.Н. Замятину из Воронежа в 1920-е годы, К.М. Поликарповичу из Минска в 1937 году) сразу не посчастливилось подтвердить сообщения Каншина. Только разведка Самсонова 1941 году вернула внимание ученых к прикурскому местонахождению эпохи камня. Приоритет Самсонова в открытии Авдеевской стоянки признан П.П. Ефименко и другими основоположниками советского палеолитоведения³³.

В нескольких верстах от того места, где в начале века вёл свои импровизированные и почти не документированные раскопки В.П. Каншин, а именно на окраине деревни Авдеевой, что километрах в 40 западнее Курска, принадлежащей тогда к Ленинскому району, крестьяне заметили в обрыве всё той же Рагозны, но уже неподалёку от её впадения в Сейм, торчащие после весеннего разлива кости крупных животных и обколотые камешки. Явно обработанные человеком кремни уже давно попадались им на дне ручья и в его подмываемых течением берегах. Местный бригадир *Иван Данилович Авдеев* не поленился выловить из воды кусок мамонтового бивня более полуметра длиной и при очередной поездке в областной центр зайти в краеведческий музей рассказать о находке. 18 июня 1941 года на грузовой машине музея в Авдеево прибыли Самсонов, Матвеев (тогда замдиректора музея по науке), опытный краевед, художник *Пётр Сергеевич Ткачевский* (1876–1945) (ранее директор Орловского музея, репрессированный по вышеописанному «делу краеведов ЦЧО») и студентки ленинградского пединститута, проходившие при Курском музее практику — Паринова, Беньявская, Груздева. По дороге к этой «великолепной семёрке» присоединился бывший учитель здешней школы М.М. Буданов, учительствовавший затем в соседнем большом селе Дьяконове.

Самсоновская команда детально осмотрела береговой обрыв на окраине деревни и установила присутствие ископаемых костей во многих местах. Одно из них было ими зачищено, после чего обнаружилось скопление разных костей мамонта — лопатки, рёбра, бивни, зубы, а также осколки кремня и даже готовые орудия из него («в виде пластин с

мамонтов и окончательное открытие С.Н. Замятиным палеолита на Сейме // Археология Чернозёмного центра России: история исследований, историография. Материалы региональной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения С.Н. Замятина. Воронеж, 1999. С. 19–23; *Его же*. Незамеченные открытия; первые находки следов палеолита на территории Курского Посеймья в историографии русской археологии // Труды Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 3. Материалы Международной конференции «I Зверевские чтения – современное краеведение: исторический, эколого-природный и этнокультурный аспекты» (г. Воронеж, 20–21 сентября 2019 г.) / Под общей редакцией *Р.С. Берестнева*. Воронеж, Воронежский областной краеведческий музей, 2019. С. 28–32.

³³ См.: *Ефименко П.П.* Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Изд. 3-е. Киев, 1953. С. 436.

продольными широкими сколами, иногда с намёком на ретушь по краям», как определил Самсонов). Очищенные от мокрого песка кости сохранить почти не удалось — при высыхании они уже не выдерживали собственной тяжести от ветхости и при отсутствии консервантов. Зато все кремни, собранные и непосредственно в реке, и у колхозников по деревне, вместе с бригадирским бивнем достались музею (за вычетом нескольких костей, взятых учителем Будановым «как учебное пособие для дьяконовской школы»).

Кроме основной работы в Авдееве, Самсонов и его товарищи попутно осмотрели тогда же соседнее Липинское городище, известное археологам опять-таки с начала века, с раскопок там времён ГУАК — харьковского приват-доцента, курского уроженца В.Е. Данилевича (1872–1936)³⁴. Хотя самсоновцы учёными званиями не блистали, но археология к тому времени шагнула вперёд и они, поднаторев на раскопках Б.А. Рыбакова и других заезжих специалистов, гораздо лучше могли классифицировать подъёмный материал с Липина — скифоидного, роменского, древнерусского и позднесредневекового типов. «Наличие керамики указанных типов, — почти верно заключил опытный Самсонов, — позволяет предположить присутствие тут человека с IV–V веков нашей эры и до XVII века. Весьма желательна организация правильных раскопок»³⁵ городища и прилегающего к нему обширного селища, — добавлял он в отчёте о той поездке.

Третий объект тогдашней разведки — песчаные дюны правого берега Сейма на противоположном от «палеолитного», северном краю Авдеевой. Бронзовая пластина, осколок кремня, скопления лепной керамики в пятнах культурного слоя на пространстве песка в несколько гектаров свидетельствовали о наличии ещё одного археологического памятника.

Как видно, поездка оказалась удачной. На всех зафиксированных тогда памятниках впоследствии велись настоящие раскопки. Ведь ещё в 1940 году в Курский музей поступил *запрос от начальника Деснинской экспедиции Академии наук М.В. Воеводского* — о том, какие силы и средства музей может выделить ему в помощь, если он перенесёт работы в здешние края. «По Курской области предположено, — сулил Михаил Вацлавович, — провести, кроме археологической разведки по Сейму, небольшие раскопки на палеолитической стоянке “Сучкино” [ныне Октябрьское, под Рыльском, шурфовавшееся ранее С.Н. Замятниным по сигналу из Рыльского музея о находках мамонтовой фауны — С.Щ.]. Кроме того, если хватит средств, то будет произведена поездка с целью предварительного обследования и описания остатков феодальных центров XI–XIII веков. Все эти работы имеют не только исследовательский интерес, но и дадут богатый материал для

³⁴ Очерк биографии В.Е. Данилевича см. в кн.: *Михальченко С.И.* Киевская школа в российской историографии (В.Б. Антонович, М.В. Довнар-Запольский и их ученики). М.–Брянск, 1997. С. 189–192.

³⁵ *Самсонов В.И.* Докладная записка директору Курского облмузея о разведке 18 июня 1941 года в Авдееве и Липине // ГАКО. Ф. Р.–3139. Оп. 1. Д. 28. Л. 11.

экспозиции»³⁶ музея, способного рискнуть частью своего денежного бюджета, во все времена более чем скромного.

Будучи доцентом (в 1944–1948 годах единственным) кафедры археологии МГУ, Воеводский на оставленных в курских инстанциях бумагах подписывался для пущей важности профессором (на такой должности он, скорее всего, подрабатывал ещё в каком-то из московских учреждений). Курским музейщикам и областным начальникам показалось заманчивым предложение столичного учёного, какие редко появлялись тогда в провинции. Самсоновская разведка, должно быть, была связана с предложением известного археолога; её результаты «повышали акции» курского музея при договорённости с ним.

Но через три дня после того, как Самсонов составил свой отчёт о поездке в Липино и Авдеево, началась война. Только (или уже?) в августе 1946 года Деснинская экспедиция во главе с Воеводским повела полнокровную разведку в Авдеево. Первые же шурфы на месте довоенной находки обнаружили множество кремнёвых орудий разных форм; всё новые и новые кости мамонта, в том числе и обожжённые; вкрапления охры — типичного красителя, применявшегося древним человеком в эстетических и магических целях; следы кострищ. Стало окончательно ясно — место уникальное, где-то здесь находилось стойбище охотников на мамонтов.

Поначалу **Авдеевская стоянка** загадала археологам особо трудные задачи, и ряд гипотез в связи с её культурным слоем оказались вскоре отвергнуты самими первоисследователями. Так, низменное положение места первых находок, вроде бы явно пойменное, заставило Воеводского сначала, на стадии шурфовой разведки искать террасу на противоположном, правом берегу речки, откуда якобы кремни и кости с настоящей стоянки мог снести вниз поток разлива. Однако когда начавшимися в 1947 году планомерными раскопками памятника оказались обнаружены вертикально вкопанные в материк крупные кости, главная загадка стоянки была разгадана. «Кости тщательно сфотографировали, зарисовали и оставили на месте. Лишь ночью начальник приехал из города и пришёл на раскоп. Долго сидел он при голубоватом лунном свете, вглядываясь в выступавшие из земли кости. Наконец, поднялся и сказал: “Нет, находки в Авдеево не переотложены. Вода не могла перенести кости, сохранив их в таком положении. Значит, перед нами стоянка древнего человека, здесь он жил”»³⁷.

Терраса, на которой располагалось авдеевское поселение, оказалась предельно низкой, едва возвышающейся над современной поймой. Стационарные раскопки, начатые здесь за 1947–1948 годы под руководством М.В. Воеводского, продолжались после его безвременной кончины

³⁶ Воеводский М.В. — директору Курского областного музея И.П. Бушуеву. 20.01.1940 // Там же. Л. 3.

³⁷ Гвоздовер М.Д. История одной находки // Культурно-просветительная работа. 1955. № 4. С. 53.

в 1949 году другим крупным палеолитчиком, ленинградцем Александром Николаевичем Рогачёвым.

Так современный художник увидел девушку с косой, по-видимому, обёрнутой на затылке, из Авдеева (23-21 тыс. лет назад). Изображение в «Живом журнале»: «Мода каменного века. Палеолитические венеры».

После длительного перерыва, с начала 1970-х годов раскопки в Авдееве возобновила ученица и коллега Воеводского по музею антропологии МГУ Марианна Давыдовна Гвоздовер, к которой присоединился известный археолог из Ленинграда Геннадий Павлович Григорьев, а в последующие годы вплоть до 2010-х годов — аспирантка Института археологии РАН, затем кандидат исторических наук Евгения Вячеславовна Булочникова (Москва). Их усилиями, за четверть века практически ежегодных раскопок этот памятник получил международную известность в качестве одного из эталонов позднего палеолита Восточной Европы. Обнаруженные здесь материалы публиковались многочисленными тезисами и статьями упомянутых только что и других авторов; на базе Авдеева прошла международная конференция специалистов по каменному веку. К

сожалению, обобщающая полувековую историю раскопок этой стоянки монография так и не была подготовлена. Это во многом обесценивает средства и труды учёных, сюда вложенные. А все они к сегодняшнему дню ушли из жизни. Возьмётся ли кто-нибудь из молодых коллег взяться за Авдеево, чтобы ввести в научный оборот его богатейшие материалы? Опыт курских раскопок заставляет усомниться в этом.

По времени и типологии инвентаря, планировке большого жилища Авдеевская стоянка ближе всего сопоставима с ещё более знаменитым памятником каменного века в южнорусском регионе — Костёнками-I, верхним их слоем. Уникальный набор кремнёвых и костяных орудий; статуэток из кости и камня, включая прославленных «палеолитических Венер» (из которых только у некоторых авдеевских более или менее проработаны лица); стационарные жилища, построенные с использованием больших костей мамонта в качестве опор; хозяйственные ямы и очаги — все эти открытия время от времени вводились в научный оборот и обогатили отечественное и мировое палеолитоведение. Не забудем — с лёгкой руки краеведа Самсонова, волею случая, да собственной энергии и научной подготовки оказавшегося у истоков изучения одного из самых замечательных памятников каменного века на территории России.

А он сам в тот, первый сезон стационарных работ в Авдееве, «попутно с раскопками вёл с жителями беседы на тему Великой Отечественной войны»³⁸ и записал для музея рассказы авдеевских женщин и подростков о том, как немецкие солдаты конфисковывали по деревне кур — методично, в каждом дворе по одной. А о том, как авдеевцы довольны наконец-то проложенной (немецко-фашистскими захватчиками) к их деревне от дьяконовского тракта дорогой; как Авдеево несколько раз переходило из рук Советской армии в руки вермахта и обратно, так что шальные пули ранили некоторых крестьянок, полёгших в разгар боёв по своим хатам под кроватями, дотошный краевед, конечно, в своих записках не распространялся.

Материалы авдеевских раскопок с тех пор стали одним из коньков Самсонова — экскурсовода и экспозиционщика. Например, сценарий его тематической экскурсии «Курские крестьяне до Февраля [1917 года]» начинался так: «Цель экскурсии — показать основные события истории крестьян на территории Курского края и дать марксистское объяснение их. Древнейшие следы человека на территории Курского края — Авдеевская палеолитическая стоянка. ... Это первобытное общество, жившее около 40–50 000 лет тому назад [Датировка Авдеевской стоянки сначала завышалась, а потом занижалась исследователями. "Вновь полученные радиоуглеродные даты для I слоя Костёнок-I и Авдеева — порядка 23 000 лет до наших дней ... ближе к истине ..." ³⁹ — С.Щ.] послужило этнической

³⁸ Самсонов В.И. Докладная записка директору музея о разведке М.В. Воеводского в Авдееве. 10 августа 1946 года // ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 20. Л. 55.

³⁹ Рогачёв А.Н., Аникович М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Палеолит СССР. М., 1984. С. 206.

основой, из которой приблизительно к середине I тыс. н.э. тут же, на Русской равнине, в частности в долине Сейма, сложилось славянство»⁴⁰. Далекое не всякая область СССР могла в годы позднего сталинизма похвастаться столь солидными аргументами против «безродного космополитизма»!.. Издевательская ирония советского анекдота насчёт того, что Россия де родина слонов, в свете курских да воронежских мамонтов звучала не столь дико...

Старый краевед жалел, что московские археологи увезли с собой почти все находки из Авдеева и в экспозиции Курского музея, кроме одного скопления лучше сохранившихся мамонтовых костей, остались только рисунки и муляжи замечательных скульптурок, каменных и костяных орудий, изготовленных охотниками на мамонтов. Однако интересы большой науки, резоны столичных археологов и антропологов Самсонов понимал и уважал, как никто другой в Курске. Все сообщения о находках ископаемых древностей им и впредь тщательно протоколировались и доводились до сведения столичных исследователей и коллег-музейщиков соседних областей. К примеру, узнав о случайном обнаружении древних погребений с множеством глиняных сосудов в Шаталинском районе Воронежской области около села Солдатского, он не поленился сообщить об этом телеграммой Воронежскому областному музею⁴¹. На все переданные в музей случайные находки древностей следовала письменная благодарность. Вроде следующей: «Передачей находки [каменного топора из оврага на берегу речки Сновы близ села Матвеева Поныровского района] музею, где её смогут видеть широкие массы трудящихся, ученик Петьков проявил большую сознательность и культурность. Пусть его примеру следуют все. Только таким путем можно создать музей, который правильно покажет прошлое и настоящее нашего края»⁴².

По бедности своего бюджета музей и при Самсонове далеко не всегда мог приобрести интересные экспонаты, если владельцы назначали им некую цену, даже невеликую. Так, не состоялась сделка с археологом-любителем А.Н. Александровым⁴³, предлагавшим в 1937 году передать музею коллекцию каменных орудий и до 70 «камней с изображениями» (мамонта, льва, пещерного и обыкновенного медведей, волка, леопарда, зубра, тура,

⁴⁰ Самсонов В.И. Информация-сценарий экскурсии «Курские крестьяне до Февраля» // ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 67. Л. 45.

⁴¹ См.: ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 2-л. Д. 221. Л. 22.

⁴² ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 24. Л. 38.

⁴³ О нём, к сожалению, нам мало что известно: учился в Харьковском университете в начале XX века. Летом 1910 года по поручению Императорского Московского Археологического общества произвёл археологическую разведку в долине Сейма между Льговом и Рыльском, выявив там и описав в своих публикациях семь памятников (городища Соловенское, Сугрово, Большое и Малое Ивановские, Свиной Остров, Гора Ивана Рыльского, неолитическое местонахождение Котовец-остров). На всех обследованных им памятниках были заложены им шурфы, но при этом фиксировались только встреченные вещи.

лошади, кабана, козы, орла, совы и других зверей). Эти древности, по его уверению, происходили «со стоянок каменного века близ Курска»⁴⁴. В обмен на эту коллекцию находчик просил музей возместить ему расходы на восьмимесячное обследование этих памятников, во время которого он жил закладом облигаций и продажей личных вещей. Трудно сегодня сказать что-то о подлинности упомянутых артефактов, хотя ещё в 1910-е годы этот же самый, судя по всему, Александров производил согласованные с Императорским Московским археологическим обществом разведки по Сейму, в том числе и на неолитических памятниках⁴⁵. Нельзя исключить, что какие-то каменные изделия он мог найти вслед за В.П. Каншиным и под Курском, в частности на речке Рагозне, в районе Авдеевской стоянки. Не его ли самодетельным раскопкам мы обязаны полным исчезновением самого первого здесь — умрихинского местонахождения мамонтовой фауны и кремня?

Письма Александрова в Академию наук о необходимости раскопок в обнаруженных им местах скопления каменных орудий остались без последствий, несмотря на вежливый ответ академика И.А. Орбели, обещавшего прислать специалиста для экспертизы столь экзотичных находок, но так и не приславшего. Коллекция Александрова ушла обратно в неизвестность. А палеолитические памятники в дальнейшем не раз открывались и в самом Курске, и на территории области. На примере этой, так и не состоявшейся сделки частного коллекционера с государственным музеем хорошо видно, как много исторических древностей, в том числе беспрецедентно для науки и культуры новых и ценных, пропало без возврата по разным объективным и субъективным причинам.

Когда же появлялась реальная возможность заняться полевой археологией, Самсонов её обычно не упускал. Ему в дальнейшем довелось копать вместе с П.И. Засурцевым Липинское городище (1953 год), с А.Е. Алиховой-Воеводской Кузину гору (1956 год), верой и правдой помогать другим заезжим на курскую землю экспедициям. Как ни странно, пройдя вполне достаточную для самостоятельного получения открытого листа на право производства раскопок, а тем более разведок, полевую практику, Самсонов так и не стал археологом — не отважился на проведение самостоятельной экспедиции. Романтика раскопок не сумела «отравить» его души — в отличие от некоторых других поначалу неспециалистов, пришедших до и после войны в полевую археологию (хотя бы его преемников в Курском музее по собственно археологической части — Ю.А. Липкинга, Н.А. Тихомирова). А этот краевед был и остался изыскателем кабинетного профиля, индивидуального стиля. Может, не считал возможным самому копать древности без специального образования?

⁴⁴ Там же. Д. 19. Л. 10.

⁴⁵ См.: Александров А.Н. Долина р. Сейма. Археологическая экскурсия 1910 г. // Древности. Труды ИМАО. Т. XXIII. Вып. 2. М., 1914; *Его же*. Ивановское городище // XIX сборник Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1913.

Выполняя полный объём музейных обязанностей, Владимир Иванович не ограничивался ими. Довольно долго, с сентября 1945 по июль 1952 года он ведёт специальный *курс лекций и практических занятий по истории Курского края* для студентов педагогического института («на 3 и 4 курсах истфака и на заочном отделении в должности старшего преподавателя»). До и после этой почасовой нагрузки он же проводил экскурсии на темы истории СССР для учащихся областного центра и приезжих из районов, руководит школьно-студенческим краеведческим кружком. «В этой работе, — согласно характеристике первого и на протяжении 20 лет бессменного декана истфака КГПИ Александра Александровича Лямзина ⁴⁶, — Самсонов проявил свою научную и методическую подготовленность к такого рода занятиям» ⁴⁷. Когда же факультет пополнился молодыми и дипломированными кадрами, от педагогических услуг совместителя-краеведа с досоветским образованием вежливо отказались.

Зато ему всегда были рады во Всесоюзном обществе распространения научных и политических знаний (позднее получившем имя «Знание», а сатирическом фильме Э.А. Рязанова «Карнавальная ночь» так и называвшегося «Обществом по распространению»), отделах агитации и пропаганды обкома и райкомов. По их путёвкам Самсонов частенько выступал с лекциями в школах города, перед «трудящимися из районов».

Самым различным краеведческим темам посвящены его многочисленные *публикации в областной печати*.

Газетные статьи с начала и до конца российского краеведения были главной формой публикации его результатов. У этого автора они по большей части представляли собой вполне добротные компиляции из разных печатных источников. Как например: «Н.Х. Рыбаков (или М.С. Щепкин) — курянин, выдающийся актёр»; «Пушкин (или Белинский, Гоголь, Чехов) и Курская область»; «Куряне — строители первого русского флота»; они же — славные «первооткрыватели Русской Америки»; «О курских соловьях», «К 30-летию освобождения Красной Армией Курска от деникинских банд»; и многие тому подобные заметки ⁴⁸. Вот подивились бы русские белые эмигранты — ровесники Самсонова, что они в итоге оказались не героями Ледяного похода и прочих баталий с красной заразой, а бандитами...

⁴⁶ Александр Александрович Лямзин — курский педагог, преподаватель истории, народный учитель с 1912 года. В 1918 году — один из организаторов преобразования женской Мариинской гимназии в Курский учительский институт. С 1934 являлся первым деканом исторического факультета Курского государственного педагогического института, образованного на базе учительского института. Этот пост он занимал до 1960 года. Потом работал там же преподавателем. Уделял много времени на обучение студентов краеведению. За время своей деятельности собрал богатую библиотеку по истории, включая курское краеведение, часть которой поступила после его кончины в Курский областной краеведческий музей, а часть распродана наследниками через букинистический отдел курского «Дом книги».

⁴⁷ ГАКО. Ф.-330. Оп. 1. Д. 4. Л. 17.

⁴⁸ Там же. Д. 10. Статьи В.И. Самсонова в газету «Курская правда».

Воистину, «был целый мир — и нет его. / Нет ни похода Ледяного, / ни капитана Иванова, / ну, абсолютно ничего» (Георгий Иванов). В глазах тех, кто десятилетиями промывал мозги советским гражданам.

Курская Коренная ярмарка

В. И. САМСОНОВ.

Ленин в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов» писал, что «...в эпоху Московского царства... государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии... Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое... оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок» *.

Вопрос о концентрировании местных рынков в один всероссийский стал предметом внимательного изучения многих историков. Они ставили его в широких рамках, в применении ко всей стране в целом. Однако большее значение имеет изучение вопроса и в применении к отдельным землям и краям, где, в силу местных особенностей, процесс концентрирования принимал своеобразную окраску.

В связи с ростом общественного разделения труда росла потребность обмена между землями с различными естественно-географическими и экономическими особенностями. Одной из форм обмена были ярмарки — этот специфически феодальный способ торговли, уже вышедшей за пределы удовлетворения местных потребностей местными ресурсами.

XVIII век — время быстрого роста количества ярмарок в России. В начале века их количество было незначительно и при Петре I даже поднимался вопрос о принудительной их организации, а во второй половине века уже числилось более тысячи ярмарочных пунктов. Это обстоятельство было показателем роста товарного обращения, концентрирования местных рынков в один всероссийский.

* Ленин. Соч., т. I, изд. 4, стр. 137.

Статья из «Учёных записок» КГПИ 1949 года.

Творческий, исследовательский элемент содержали *исторические очерки Самсонова*, посвящённые XVII–XVIII столетиям местной старины. Это опубликованные им этюды о Коренной ярмарке, старых городах Курской земли и оставшиеся в архиве краеведа конспекты его лекционного курса по истории Курского края; статьи о курских крестьянах-отходниках; общественном и революционном движении в губернии на протяжении XIX века; по истории Коренной пустыни, села Моквы, города Щигров;

фотографии и тексты для макета альбома «Курск в прошлом и настоящем»⁴⁹.

В этих работах использованы как опубликованные, так и архивные документы о положении разных социальных слоёв, состоянии отдельных отраслей экономики, политических и культурных событиях на территории края. Солидные возможности Самсонова-источниковеда и текстолога демонстрирует его главная публикация на исторические темы — «*Дневник курского помещика И.П. Анненкова*» за 1745–1766 годы. Обстоятельства этого издания весьма показательны для краеведческого стиля исторических изысканий вообще, его сильных и слабых сторон в ту пору.

Манускрипт, «дающий новый материал по экономической, социальной и культурно-бытовой характеристике крепостного хозяйства второй половины XVIII века»⁵⁰, оставался неизвестен полтора столетия спустя своего создания. От окончательной гибели его спас просвещённый чиновник, помощник председателя Курского статистического комитета В.В. Лапин. Он писал в справке, датированной 15 октября 1902 года: «Журнал этот найден мной в грудe старых полуистлевших от времени книг и рукописей в чулане под лестницей Курской классической гимназии, где всё это оставалось нетронутым около 60 лет. Найденные при этом книги пожертвованы мной в библиотеку Императорского Харьковского университета»⁵¹, поскольку своего древлехранилища в Курске тогда ещё не было. А самую ценную находку — рукописный журнал, заполненный витиеватой скорописью XVIII столетия, практически не читаемой без специальных навыков палеографии, подарил библиотеке курского Статистического комитета. Оттуда дневник перешёл в музей при Учёной архивной комиссии, когда она вскоре открылась, а уже вместе с ним после революции — в областной краеведческий музей.

Намерение первооткрывателя издать «Дневник» в одном из выпусков «Курского сборника» Статистического комитета не осуществилось.

⁴⁹ См.: Самсонов В.И. Прошлое старых городов Курской области. Историческая справка // Прошлое Курской области. Курск, 1940; *Его же*. Курская Коренная ярмарка // Учёные записки КГПИ. Вып. XI. Курск, 1949; Список работ, составленных В.И. Самсоновым // ГАКО. Ф. Р-330. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

⁵⁰ Дневник курского помещика И.П. Анненкова // Материалы по истории СССР. Вып. 5. М., 1957. С. 4.

В этой связи см.: Дмитриева В.В. История провинциального дворянского рода И.П. Анненкова (На материалах Курской губернии XVIII–XX веков) // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. История. Исторические науки. 2011.

Между прочим, один из предков курских землевладельцев Анненковых — Максим Никифорович — тот самый сын боярский, что по распоряжению курского воеводы Шеина искал «кости волота» в наших краях аж в 1684 году. Об этой первой археологической экспедиции в России рассказывалось выше, в начале первой главы моей работы. По указу Петра I тот Анненков получил земельные владения в Курском уезде.

⁵¹ ГАКО. Ф. Р-330. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

Очевидно, из-за сравнительно большого объёма текста и трудностей его расшифровки, перевода на современный русский язык — рукопись местами читается очень плохо даже специалистом-историком в связи с изменениями в почерке автора и повреждениями бумаги. Если бы не Самсонов с его знаниями, ответственностью и педантизмом, лежать бы уникальному документу в запасниках областного музея ещё не один десяток лет, да истлеть без следа. Причём, как мне не раз приходилось с сожалением отмечать на страницах этой работы, не всё в наших музейных фондах с годами сохранялось, кое-что по разным причинам исчезает безвозвратно для музея и, значит, потомков. Отсюда очевидно, как важно для региональных историков сочетать поиск и хранение древностей с их посильной публикацией, введением в научный оборот. В советский период развития отечественного краеведения научная, в том числе публикационная функция областных музеев и высших школ заметно отставала от просветительской. В.И. Самсонов же заново открыл уникальный «Дневник» и решил довести его до читателя. О Лапине и его роли в спасении документа советский краевед предпочёл не упоминать, хотя и знал прекрасно. В самсоновских комментариях на сей счёт сказана полуправда: «О его [«Дневника» — С.Щ.] судьбе после 1766 года сведений нет»⁵².

Отмеченное прегрешение Самсонова перед историографией стократ перекрывается его поистине титаническим трудом по переводу, а местами прямо по дешифровке текста, его очень тщательной и грамотной реконструкции.

Иван Петрович Анненков (до 1711–1784) — дворянин, курский и орловский помещик; ряд лет предводитель дворянства Курского уезда. Выйдя в отставку после военной службы в драгунской кавалерии (в чине секунд-майора) в 1761 году, посвятил себя помещичьему хозяйству на родине. За четверть века личного управления своими имениями утроил их земельную площадь. На протяжении многих лет он вёл обстоятельный дневник различным событиям личной и общественной жизни, прежде всего по хозяйственным вопросам, но не только. В записках Анненкова удивительно подробно, толково и разносторонне отразилось помещичье хозяйство того времени, крепостнические порядки и повседневная жизнь в нём; многие политические события и культурные веяния в понимании просвещённого представителя провинциального дворянства. Согласно этим дневниковым материалам Самсонов составил выразительные таблицы урожайности и структуры посевных площадей по 18 видам сельскохозяйственных культур; вывел статистику побегов и наказаний крепостных крестьян в анненковском — довольно типичном поместье. Получившиеся схемы пополнили музейную экспозицию.

⁵² Там же. Л. 16.

Для сквозной темы моей работы — о знатоках местных древностей, их вкладе в провинциальную культуру России — стоит ретроспективно отметить историографические наклонности автора характеризуемой сельской хроники. Отставной военный и рачительный помещик, И.П. Анненков, не жалея на то денег, собрал богатую библиотеку, а при ней ещё и архив документов, для чего заказывал писцам «списывание степенных книг» и прочих старинных рукописей XVII–XVIII столетий, встреченных им и его контрагентами в церквях, монастырях, чиновничьих присутствиях, частных домах. Упоминавшийся выше курский прокурор С.И. Ларионов, на краеведческом досуге составивший и первым опубликовавший «Описание Курского наместничества», значительную часть материалов для такового почерпнул с любезного разрешения Анненкова из его библиотеки и архива.

Личность и деятельность И.П. Анненкова лишней раз демонстрируют ограниченность и карикатурность сложившейся в марксистской, советской историографии оценки русского дворянства как исключительно паразитического класса эксплуататоров. Именно просвещённые помещики такого личностного типа стояли у истоков провинциальной любительской историографии в нашей стране, да и почти всех остальных отраслей отечественной науки и культуры.

Образцово, согласно всем палеографическим правилам подготовив «Дневник» к печати и составив комментарий к нему, Самсонов предложил рукопись своего труда вниманию сектора публикации исторических источников Института истории СССР АН. Там на внеплановое издательское предложение отозвались весьма доброжелательно, помогли краеведу закончить работу — палеографическими советами и материалами. Владимир Иванович почему-то отказался от предложения московских учёных самому написать предисловие к документу. Это право он переуступил своему покровителю из педагогического института доценту *Фёдору Иосифовичу Лаппо* (1904–1986), известному советскому историку⁵³. Тот с задачей

⁵³ *Фёдор Иосифович Лаппо* (1904–1986) — как видно, принадлежал к старинному литовско-русскому, затем малороссийскому роду Лаппо. Среди выходцев из него выделяется другой довольно известный историк — *Иван Иванович Лаппо* (1869–1944).

Наш курский Лаппо — историк, кандидат исторических наук (1939), доцент (1939). Родился в местечке Новобелице Гомельского уезда Могилёвской губернии. Из семьи сельских учителей. Среднее образование получал в Гомеле. 1914–1918 годы — 1-я гимназия; с 1921-го по 1923-й — железнодорожная школа 2-й ступени. В 1923–1924 годах работал библиотекарем той же школы. Затем — учётчиком на артиллерийском складе (1925–1926) на железнодорожной станции Новобелицкой Московско-Балтийской железной дороги. После краткосрочных учительских курсов недолго учителем в сельской школе на родной Гомельщине. Затем заканчивает 2-й МГУ, его общественно-экономический факультет (1926–1930). Наряду с учёбой работает учителем и завхозом 50-й школы Москвы. В 1930–1934 преподавал в Анжеро-Судженском ветеринарном техникуме (Западная Сибирь). После чего возвращается в Москву — преподавать на педагогическом рабфаке 2-го МГУ. Читал лекции повышающим свою квалификацию

учителям истории из Вологды, Иванова, Горького, Челябинска. С 1934-го по 1937-й — в аспирантуре МИФЛИ. Защищает кандидатскую диссертацию «Контрреволюционная политика царизма в Польше в 1793 году» (В советских служебных анкетах, ради политической убедительности, перефразировал тему таким образом: «О жандармской роли Екатерины II в Европе в 1793 году»). После чего по распределению Наркомпроса с 1937 года работает доцентом Курского педагогического института. С 1939 года — заведующий кафедрой истории СССР этого института. Сменил на этой должности ещё более известного историка И.И. Полосина, у которого к тому времени кончился срок высылки в Курск (по так называемому «Академическому делу»). В период Великой Отечественной войны в составе народного ополчения строил оборонительные сооружения под Курском; затем находился в эвакуации вместе с институтом в Сарапуле Удмуртской АССР, где работал директором школы. С 1943 году возвращается в Курск на прежнюю должность доцента и заведующего кафедрой истории СССР КГПИ. В 1955 по собственному желанию уходит с должности заведующего кафедрой и до 1961 работает на ней доцентом.

Область научных интересов в курский период — социально-экономическая история Курского и Белгородского регионов во второй половине XVIII века. По этой тематике опубликовал несколько содержательных статей, основанных на впервые извлечённых из местных архивов источниках. Под его редакцией опубликовано несколько книжек по истории Курского края (*Матвиевский П.Е.* Бунтари Глушковской мануфактуры. Курск, 1949; др.). Научный руководитель коллектива авторов сборника документов «Из истории Курского края» (Воронеж, 1965). Редактор первого советского путеводителя по историческим и памятным местам областного центра (составители В.И. Самсонов, М.И. Яжгур. Курск, Воронеж, 1965). В 1961 году возвращается в Москву, работает старшим научным сотрудником Научно-исследовательского института музееведения Министерства культуры СССР. В 1965–1975 — внештатный сотрудник исторического факультета МГУ. Последние годы жизни проживал в Москве на пенсии. Автор работ по истории крестьянства Чернозёмного центра России; разделов в коллективных трудах по истории Курского края. Готовил докторскую диссертацию по аграрной истории Чернозёмного края в XVIII веке, которая осталась незавершённой. Рукописи и документы Ф.И. Лаппо после его кончины поступили в Государственный архив Курской области на правах личного фонда исследователя. Ф.И. Лаппо принадлежал к первому поколению советских историков, получивших специальное образование после революции. Он — один из немногих профессиональных, известных в академическом сообществе страны историков, преподававших и ведших научную работу в довоенном и послевоенном Курске.

Соч.: Крепостные села Андросова в борьбе за волю // Учёные записки КГПИ. Вып. 2. Курск, 1949; Наказы однодворцев как исторический источник // Исторические записки. Вып. 39. М., 1950; Выступление однодворцев села Степанова в 1776 году // Там же. Литература: Личное дело Ф.И. Лаппо // Архив КГУ. Ф. 3707. Оп. 28-л. Д. 112.

У его сына *Феликса Фёдоровича Лаппо* (1931 года рождения), учёного востоковеда (китаиста), архивиста и политолога, автор учился на историко-педагогическом факультете КГПУ в первой половине 1970-х годов и много почерпнул из его занятий для своей будущей работы над историческими источниками.

справился наилучшим образом, и «Дневник курского помещика» довольно скоро вышел в свет в солидном академическом издании, пополнил источниковедческий репертуар отечественной истории-новистики.

Как видно из всего сказанного о Владимире Ивановиче Самсонове, он оказался хорошо подготовлен к роли ведущего в области специалиста по историческому краеведению, которую ему явочным порядком присвоили партийные и советские органы Курска 1940 – 1950-х гг. Местный материал, к тому же исторический, всегда ценился коммунистами в их пропаганде и контрпропаганде. Конечно, если он был должным образом препарирован и цензурирован ими же. Первые краеведческие сборники областного издательства обязательно включали в себя очерк Самсонова «Из прошлого Курского края». Начала подзаголовка — «с древнейших времён...» — сохранялось во всех вариантах, а окончание варьировалось — «... до 1917 года», «...до разгрома Деникина», «...до победы в Великой Отечественной войне»⁵⁴.

По заданию обкома партии наш краевед готовит первую часть важного по здешним масштабам издания, посвящённого систематическому изложению истории областного центра. Самсоновский раздел — «Курск — древний русский город» — переиздавался несколько раз, послужил отправной точкой для аналогичной по теме и жанру, но археологически куда солиднее подкреплённой работы Ю.А. Липкинга⁵⁵. Этот печатный материал получил наибольший доступ на школьные и вузовские уроки истории, его широко использовали в лекционно-просветительской работе среди курян, проводившейся обществом «Знание».

Ранние издания обобщающей и в целом добротной работы Самсонова-краеведа несут на себе «родимые пятна» менявшейся идеологической обстановки в стране. Вот, скажем, этот человек, в теории и на практике прекрасно знакомый с русской археологией своего времени, ничтоже сумняшеся пишет по заданию лекционного бюро Курского областного отдела культпросветработы: «Наша наука разрушила немецкую “теорию” о том, что славяне откуда-то пришли в занимаемую ими теперь страну и что этот приход совершился совсем недавно — в первом тысячелетии нашей эры. Отсюда делался вывод: если славяне пришельцы, то и изгнать их и завладеть их землёй не представит большой исторической несправедливости. ... Нет, отвечает немцам наша наука, славяне ниоткуда не пришли, они исконные

⁵⁴ Самсонов В.И. Старый Курск // Литературный альманах. Вып. 1. Курск, 1935 (на с. 180 — репродукция корчаги, найденной на территории бывшего посада древнерусского Курска); *Его же*. Из прошлого Курского края // Родной край. Курск, 1946; *Его же*. Из прошлого Курского края // Краеведческий сборник. Курск, 1952.

⁵⁵ Самсонов В.И. Курск — древний русский город (от его возникновения до конца XVI в.) // Курск. Очерки истории города. Курск, 1957; Самсонов В.И., Липкинг Ю.А. Курск — древний русский город // Там же. Изд. 3-е, перераб. и доп. Воронеж, 1975.

местные жители, они издревле владеют своей землёй и ни вершка её никому не отдадут»⁵⁶.

Человек, копавший вместе со столичными археологами и палеолит, и причерноморскую античность, и скифов, и посеимских роменцев, и древнюю Русь, утверждает в 1945 году, будто для Курской земли «нет никаких указаний на внезапную, бурную смену одной культуры другой культурой», и находит «краеугольные камни в создании славянства» среди охотников на мамонтов древнекаменного века⁵⁷. Ссылки на бывшего академика Н.Я. Марра и будущего академика Б.А. Рыбакова показывают вторичность такого рода попыток подкрепить «националистический миф, — который, согласно точному разъяснению А.А. Формозова, — у всех народов более или менее одинаков: наш народ чрезвычайно древний, сложился именно там, где живёт сейчас, и отличается высочайшим уровнем культуры, государственности, воинскими подвигами и т.д.»⁵⁸.

Впрочем, курские краеведы были далеко не одиноки в своём намерении «прислониться» к столь могущественной в своё время идеологической опоре. Так, некто И.М. Ионенко в статье «Об исторических условиях превращения курско-орловского диалекта в основу русского национального языка» писал: «При изучении условий возникновения курско-орловского местного диалекта необходимо учитывать ту племенную основу, на которой некогда сложилось население южных областей Русского государства»⁵⁹. А «изучение этой племенной основы по вещественным памятникам является одной из задач советских археологов», — подтверждала тогда же ученица Рыбакова Т.Н. Никольская, чьи научные интересы как раз и склонялись «к изучению древностей Орловского края»⁶⁰.

На примере «палеолитических славян» в Курском Посеймье поучительно лишний раз продемонстрировать зеркальное единство тоталитарного мышления в сталинской России и гитлеровской Германии. По беззастенчивым словам Гимmlера, «если государство или партия высказывают какое-либо мнение в качестве желательной отправной точки для научных исследований, то оно просто должно считаться научной аксиомой и не допускать никаких кривотолков, а тем более злонамеренной

⁵⁶ *Самсонов В.И.* Из прошлого Курского края // Сборник материалов по пропаганде научных знаний. Курск, 1945. С. 45.

⁵⁷ Там же.

Сравните: «В противовес исторической концепции, считавшей восточных славян пришельцами той территории, на которой развернулась их дальнейшая история, современная наука всё настойчивее убеждает в автохтонности славян и их генетической связи со скифами» (*Рыбаков Б.А.* Ранняя культура восточных славян // Исторический журнал. 1943. Кн. 11–12. С. 73).

⁵⁸ *Формозов А.А.* [Предисловие к публикации]: А.А. Зимин. «Слово о полку Игореве» (Фрагменты книги) // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 99.

⁵⁹ Вопросы истории. 1952. № 7. С. 90.

⁶⁰ *Никольская Т.Н.* Археологические исследования в Орловской области // КСИИМК. Вып. 53. М.–Л., 1954. С. 93.

критики. Нам всё равно, так ли в действительности происходила древняя история германских племён или иначе. ... Единственное, что касается нас и за что мы платим этим людям — исторические представления, укрепляющие в нашем народе столь необходимую национальную гордость. ... Первобытная история — это наука о выдающемся значении немцев в доисторическую эпоху»⁶¹.

Соответственно, для советских учёных и краеведов того же времени «этнополитические исследования в области археологии, основанные на учении И.В. Сталина о нации, служат сильнейшим оружием в борьбе против чужденоненавистнических построений расистов всех мастей из реакционного буржуазного лагеря»⁶². Нет нужды учитывать, что нация — продукт гораздо более поздней истории, чем первобытный мир и Средневековье. Не за это платили советским археологам и историкам, не это помогало выжить советским краеведам. Они, в своём большинстве, тоже «укрепляли в народе национальную гордость», невзирая на факты истории.

Наивное преувеличение В.И. Самсонова о выдающейся исторической роли славян, более того — именно курян ещё в эпохи камня и раннего металла, до сих пор резонирует в некоторых краеведческих изданиях (Смотрите не то что газетные заметки малограмотных «краеведов» наших дней, но и историко-краеведческие сборники под редакцией профессоров курских вузов Б.Н. Королёва, Л.С. Полнера, А.Ю. Друговской 1990-х лет издания, цитировавшиеся мной выше, на последующие сайты псевдоисторической и квазипатриотической направленности). Нет, отвечаю я от лица исторической науки наших дней, отнюдь не в фантастических преувеличениях древности и заслуг наших так или иначе предшественников заключается любовь к родине и её культуре! А в поисках всей правды о далёком прошлом. Правды как возвышенной, так и горькой — и о героических, и о постыдных деяниях предков; и о победах, и поражениях их же; о сложных путях мировой культуры и противоречивом вкладе в неё славян и русских.

Гораздо хуже квасного патриотизма «поклёвка» советского краеведа на антисемитские настроения властей предрержащих, достигшие апогея в период пресловутой кампании борьбы ВКП(б) с «безродным космополитизмом». Очередной, за 1952 год очерк Самсонова о прошлом Курского края, уже очищенный от охотящихся на шерстистых носорогов и овцебыков «славянских крестьян», завершается объяснением продовольственного кризиса 1914–1916 годов в России происками спекулянтов, якобы в основном евреев. В Курске-де «прославился спекулянт Волга Мануил Гальмович, имевший на своих складах в одном только Белгороде до 20 000 кулей муки и переправлявший её частями в города на "чёрный рынок" и даже за границу,

⁶¹ Цит. по: *Раунинг Г.* Говорит Гитлер. Зверь из бездны / Пер. с нем. М., 1993. С. 176.

⁶² За партийность археологической науки! // КСИИМК. Вып. XXV. М.–Л., 1949. С. 4.

тогда как местное население не получало назначенных нищенских выдач»⁶³ хлеба.

Реалистично выглядящий фактик предреволюционной истории получал зловещее звучание в другом историческом контексте — на закате кровавой сталинской диктатуры. «1948–1953 гг. были для наших музеев трагическим периодом, — вспоминает старейшая сотрудница Государственного Исторического музея. — ... Директорам центральных музеев было тогда приказано покончить с засорением кадров. Многие директора сопротивлялись: они ценили деловые качества сотрудников, а национальность их не беспокоила»⁶⁴. Заведующий же отделом истории Курского музея Самсонов, напротив, решился, как видно, ненавязчиво усилить беспокойство начальства национальным составом кадров — при помощи сомнительных исторических аналогий. И это сразу после войны, когда немцы убивали евреев и в Курске, и в других оккупированных районах первыми. И в то время, когда советские власти, судя по всему, готовили массовое интернирование уцелевших после войны евреев по примеру других репрессированных Сталиным народов.

В качестве образного комментария к описанной ситуации приведём известный отрывок из сочинённой в те же годы пьесы Е.Л. Шварца «Дракон»:

Генрих. Но позвольте! Если глубоко рассмотреть, то я лично ни в чём не виноват. Меня так учили.

Ланцелот. Всех учили. Но зачем ты оказался первым учеником?..»⁶⁵.

Здесь же уместно продолжить философскую цитату из начала этой главы: «Даже на фоне относительно благополучных обществ, когда речь не идёт о голодной жизни или насильственной смерти, ответственность обывателей оказывается достаточно высокой. ... Мы испытываем не удовлетворение, а ужас, когда видим последствия своих в общем-то социально и рационально оправданных действий, оказавшихся частью какой-то большой игры, которую, если разбираться, никто из людей не планировал»⁶⁶.

Надо ли говорить, что хрущёвская «оттепель» научила В.И. Самсонова гораздо более объективной подаче краеведческих материалов. Очищенные от

⁶³ Самсонов В.И. Из прошлого Курского края // Краеведческий сборник. Материалы в помощь учителю. Курск, 1952. С. 52.

⁶⁴ Закс А.Б. Трудные годы // Вопросы истории. 1992. № 4–5. С. 157–158. См. также: Костырченко Г.В. Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР // Вопросы истории. 1994. № 8; Борщаговский А. Обвиняется кровь. Документальная повесть. М., 1994; Сталин и космополитизм. 1945–1953. Документы Агитпропа ЦК. М., 2005. (Россия. XX век. Документы); Алымов С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 97.

⁶⁵ Шварц Е. Пьесы. Л., 1982. С. 307.

⁶⁶ Марков Б.В. Труд, власть и коммуникация // В его кн.: Знаки бытия. СПб., 2001. С. 384.

чужеродной примеси политических инсинуаций, его публикации продолжили свою полезную службу всем, кто интересовался прошлыми веками Курской земли.

В 1959 году исполком Курского областного Совета назначил Владимиру Ивановичу персональную пенсию пожизненно в 500 рублей ежемесячно. С учётом последовавшей вскоре денежной реформы (убравшей один нуль с денежных бумажек) не густо, но для жизни в южной провинции не так уж мало. Ушедший на покой старший научный сотрудник продолжал систематически навещать музей, консультировать его сотрудников, выступать перед учителями и школьниками, писать газетные заметки на краеведческие темы. Но на продолжение и завершение исторических исследований на восьмом десятке лет у него не оставалось сил. В 1964 году Владимира Ивановича Самсонова не стало.

* * *

*«А сзади в зареве легенд
Идиот, герой, интеллигент
В огне декретов и реклам
Горел во славу тёмной силы...*

...

*А позади, а в стороне
Рождался эпос в тишине.
Обваливайся, мир, и сыться,
Тебя подслушивает пыль.
Историк после сложит пыль
О жизни, извести и гипсе».*

*Б.А. Пастернак,
Высокая болезнь. 1924.*

Вдова заслуженного музейщика и краеведа получила выражения соболезнования разных лиц и организаций. От имени коллектива Московского научно-исследовательского института музееведения Министерства культуры РСФСР, заместитель директора, первый профессор музееведения в нашей стране Авраам Моисеевич Разгон писал: «Владимир Иванович всю свою жизнь посвятил музейному делу, которое горячо любил и хорошо знал. Благодаря его неустанным трудам в Курском музее был создан отдел дореволюционной истории. Эта экспозиция во многих отношениях стояла и стоит в ряду лучших экспозиций краеведческих музеев.

Вся жизнь Владимира Ивановича являлась примером подлинного служения науке. Его многочисленные исследования, экскурсии отличались

научной глубиной и изяществом формы, поэтому они всегда оставляли неизгладимый след»⁶⁷.

Трудно придумать лучшую эпитафию последнему курскому краеведу из дворян, первооткрывателю палеолитического Авдеева, публикатору замечательного манускрипта по истории Отечества Владимиру Ивановичу Самсонову. В сложных условиях тоталитаризации науки и культуры он продемонстрировал лучшие образцы комплексного источниковедения и музейного экспозиционирования древностей разных эпох краевой истории. А главное — целостность коллекций в хранилище своего музея. Как ни странно, но упоминавшиеся выше утраты отдельных единиц хранения (особенно драгоценных), путаница коллекций, произвольная переписка инвентарных номеров на вещах из фондов Курского областного музея начались не в периоды войн и смут, в относительно спокойные 1970 – 1980-е годы — когда на смену «старой гвардии» музейщиков пришли сотрудники с послевоенным советским образованием и воспитанием. Отдельные уступки идеологической злобе дня, проявленные в своё время В.И. Самсоновым на поприще исторического краеведения, отнюдь не заслоняют научной и культурно-воспитательной ценности его печатных работ и методик популяризации важнейших страниц регионального прошлого. Жизненный и творческий опыт этого человека демонстрирует определённую автономность и долговечность познавательно-практического содержания краеведческой деятельности по сравнению с её же идеологической формой, меняющейся вместе с политическими режимами⁶⁸.

⁶⁷ Разгон А.М. – Самсоновой-Матвеевко М.Н. 10 октября 1964 года // ГАКО. Ф. Р–330. Оп. 1. Д. 13. Л. 13.

⁶⁸ Общесоюзный идейно-политический фон музейного дела в СССР раскрыт в кн.: Музей и власть. Ч. 1–2. М., 1991.